

Создавая образ России

Социокультурные основы имиджевой стратегии России

Вопрос о символическом капитале национальной культуры в информационном обществе — это вопрос о высоком престиже национальных ценностей, на которых организовано пространство культуры, что, в свою очередь, способствует стабильности системы политических отношений в соответствующей стране. В современном мире инновации в сфере имиджевой политики многие страны ищут именно на пути реинтерпретации национальных традиций, ценностей и архетипов в духе современности.

К сожалению, до сих пор отечественной имиджевой стратегии не хватает яркого национального колорита, того самого «русского духа», особой «русскости», которыми были отмечены в начале прошлого века успехи России на парижской Всемирной выставке 1900 года, когда Жан Кокто написал: «Париж пьян Россией»¹. В то время над знаменитым Павильоном русских окраин — городком в стиле Московского и Казанского кремлей работали Шехтель, Мельцер, Васнецов, Врубель². Именно тогда и заявил о себе «русский стиль», а в Европе началась мода на Россию: все русское стало необыкновенно популярным. Для парижской Всемирной выставки 1900 года сделали и первую матрешку — оригинальный сувенир *à la russe*, который был удостоен бронзовой медали.

Однако сегодня, при подготовке Олимпиады в Сочи, очень мало используются национальные мотивы в архитектуре и убранстве зданий, при презентации отдельных проектов. Между тем всероссийский художественный конкурс на самое удачное использование национальных мотивов при оформлении Олимпиады мог бы значительно улучшить эмоциональное впечатление от этого спортивного праздника. И тем более важно акцентировать национальные традиции при формировании имиджевой стратегии России в целом. И для начала русский стиль должен войти в моду

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук.

¹ Кокто Ж. Портреты-воспоминания: 1900—1914. М., 1968. С. 108.

² Подробнее об этом см. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. М., 2012.

Ключевые слова: имидж России, социокультурные основы, национальный брендинг, имиджевая политика.

внутри самой России: мы должны заново научиться гордиться тем, что мы — русские.

Именно поэтому так важно сегодня обратиться к истокам — к социокультурным основам российской политики, восходящим к наиболее значимым архетипам и кодам российской культуры. Выявление сильной, значимой идеи страны должно отталкиваться от образов ее географии и истории, антропологии и психологии. Архетипические образы прошлого так или иначе присутствуют в сознании каждого человека и, значит, понятны любому.

Главный архетип российского самосознания был сформулирован еще игуменом Филофеем: «Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Перед нами образ *России как странствующего Царства*. Москва — Третий Рим — не заменяет, не повторяет предшественников; она — *новое царство*, взамен двух падших. Не ставится задача сохранения и продолжения политической традиции: она рвется и создается заново. Отсюда расколы и катастрофические перерывы в российской политической истории.

Одновременно в образе «странствующего Царства» заложена нешуточная политическая претензия на *имперскую традицию всемирной власти*: Москва — Третий Рим. Едва ли не каждый крупный государственный деятель в России использовал образ «Третьего Рима» для обоснования своих имперских политических амбиций. И каждый из них всегда забывал о главном: отнюдь не панегирический смысл вкладывал в эту формулу старец Филофей. В своем послании к великому князю Василию III он предостерегает и даже грозит: «Твое христианское царство иным не останется». Третий Рим — это царство духа, царство приоритета духовных ценностей: ведь имперская традиция политической власти может длительно существовать только как нравственно-этическая, опирающаяся на моральные устои веры.

В архетипе «странствующего Царства» тема *сакральности политической власти* тесно связана с темой *апокалиптики политического времени*: «четвертому Риму не быти». Русское политическое время неизменно испытывает напряжение «надвигающегося конца истории», оно предельно сжато, историческая перспектива укорочена. Такое время требует предельной ответственности, собранности: именно от «третьего Рима», от Москвы, зависит судьба истории — «четвертому Риму не быти». Поэтому в русском политическом сознании неразрывно связаны судьбы России и судьбы мира — русская душа «болеет» мировыми проблемами. Уже в XVI веке выдвигается учение о «святой Руси», об универсальном, всемирном значении России. В. Зеньковский справедливо отмечал, что «именно отсюда и только отсюда» следует выводить все поздние политические концепции, обосновывающие «всечеловеческое призвание России»³.

Так формируется феномен «целостности» восприятия мира, который получил особое значение в русской культуре. Христианство по самой своей

³ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект: Раритет, 2001 Т. 1. Ч. 1. С. 47.

сути обращено *ко всему человечеству*, хочет просветить и освятить всю его душу. Этот мотив несомненно играет важную роль и в западном христианстве, но в православии тема целостности доводится до абсолюта, приобретая оттенок радикализма. Антитеза «все или ничего», не сдержанная житейским благоразумием, не контролируемая вниманием к практическим результатам, оставляет русскую душу чуждой житейской трезвости. В политической сфере это привело к формированию трагического архетипа *политического радикализма*, который красной нитью проходит через всю русскую историю: он учит бояться всякой «серединности» и умеренности, всякой «теплохладности».

Образ «Москвы — Третьего Рима» вырос на основе политического радикализма — из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Не меньшим радикализмом отмечен и феномен сакральной по-

Образ «Москвы — Третьего Рима» вырос на основе политического радикализма — из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Не меньшим радикализмом отмечен и феномен сакральной политической власти.

литической власти. Можно согласиться с уже упоминавшимся В. Зеньковским, который считал, что возвеличивание и «освящение» царской власти не было просто утопией и выражением церковного сервилизма, а было выражением *мистического понимания истории*⁴. Если смысл истории — подготовка к Царству Божию, то самый процесс истории, хотя и связан с ним, но связан *непостижимо* для человеческого ума. Царская власть становится той особой инстанцией, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией.

Но предельное возвеличивание царской власти («Царь по своей должности и власти подобен всевышнему Богу», — писал Иосиф Волоцкий) сочетается с не менее радикальным выводом о том, что несправедливый царь — «не Божий слуга, но диавол». Архетип российской политической власти с самого начала формируется как бинарный, *радикально* амбивалентный. Если русская духовность делит мира на две ипостаси — удел света и удел мрака, то особенно остро это ощущается в вопросе о политической власти. По словам С. Аверинцева, «Божье и Антихристово подходят здесь друг к другу вплотную, без всякой буферной территории между ними; все, что кажется землей и земным, — на самом деле или Рай, или Ад; и носитель власти стоит точно на границе обоих царств. То есть это не просто значит, что он несет перед Богом особую ответственность, — такая тривиальная истина известна всем. Нет, сама по себе власть, по край-

⁴ См. там же. С. 49.

ней мере власть самодержавная, — это нечто, находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее»⁵.

С этим связана характерная особенность восприятия политического лидера одновременно в двух ипостасях: действительно декларируемой и ей же оппозиционной. Российский лидер должен быть «сам себе оппозиционером», чтобы соответствовать архетипическому народному восприятию. Амбивалентность российского института политического лидерства и сегодня позволяет властным структурам обновляться, не меняясь по существу.

Возвращаясь к теме России — «странствующего Царства», следует подчеркнуть, что православный русский народ, вдохновляясь идеалом святой Руси, видел в «странствиях» русского царства прежде всего поиски «земной правды» (что с особой силой выражали юродивые). Русское слово «правда» трудно переводится на иностранные языки. Как отмечает С. Франк, оно одновременно означает и «истину», и «справедливость», и «моральное и естественное право»⁶. Русский народ всегда искал ту правду, которая «объяснит и осветит жизнь», правду как «свет... который просвещает каждого человека, приходящего в мир» (Иоанн, I, 9), благодаря чему жизнь может стать подлинной, то есть справедливой.

Феномен «правдоискательства» и архетип «странствующего Царства» неизменно провоцируют русский народ на оптимистические поиски «земного рая», или «новой жизни», генерируют особый тип сознания, которое живет идеей «светлого будущего». Не случайно миф коммунизма был адаптирован народным сознанием как политизированная версия христианского устроения на исторической земле: «Здесь будет город-сад!» Во имя осуществления идеалов «светлого будущего» русский человек способен на героизм и жертвенность, на преодоление немислимых препятствий. Эта особая способность «жить идеей» глубоко укоренена в народном сознании и часто эксплуатируется прагматичными политиками. Российские политические лидеры привыкли обещать «светлое завтра» в надежде на то, что народ перетерпит «трагическое сегодня». И обманывая народ, они снисходительно думают о национальном самосознании как о глубоко архаическом, традиционалистском, уступающем по всем параметрам прогрессивному западному индивидуализму.

Но российское политическое сознание только по западным меркам «потребительского общества» кажется отсталым и несовременным — на горизонте открытой истории, стоящей перед лицом нерешенных глобальных проблем, его характерные черты могут оказаться весьма продуктивными. Говоря языком современной науки, православно-христианская идентичность формирует особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, феномен «очарованного странника» (Н. Лесков), взыскующего не материальных ценностей, не жизненного успеха, а правды, справедливости и смысла жизни.

⁵ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая: Закон и милость // Новый мир. 1988. № 9. С. 234—235.

⁶ См. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Он же. Духовные основы общества. М., 1992. С. 490.

Таков этос российской *политической культуры*: его тональность — правдоискательство, поиски «неведомого града». Об этом хорошо сказал Н. Бердяев: «Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей...»⁷ Н. Бердяев, как и С. Франк, связывал стихийность и безграничность свободы с «исканием Божьей правды» русскими странниками, свободными от тягот мирской жизни, с котомкой за плечами ищущими «неведомого града». Внутреннюю свободу русского народа Н. Бердяев противопоставлял внутренней несвободе западных народов, закрепощенных «мещанскими нормами».

«Очарованный странник» — самый свободный человек на земле, которому открыт мир и который сам открыт миру. Это тот самый «человек в поисках смысла» (В. Франкл), которого так ждет современность, чтобы выйти из тупиков технической цивилизации. И мы должны защитить этого человека, раскрыть его творческий потенциал и преимущества перед экономическим человеком западного мира.

Человек, взыскующий смысла, отстаивает *ценностное отношение к миру*, отвергая чисто инструментальный подход. Мы здесь имеем дело с особым типом рациональности — рациональностью по ценности. Русская духовная традиция наделяет ценности значительно большим статусом и влиянием на политическую повседневность, чем западная, уповающая на интересы. Поэтому политическая борьба в России была и остается борьбой за идеи и идеалы. Когда политик выступает от имени идеала, он задевает не слабые струны рациональности общественного сознания, а сильные струны *мессианского чувства* групповой психологии: по силе воздействия в политике целерациональность всегда уступает рациональности ценностной.

Ценностное отношение к миру во многом объясняет тот факт, что вопрос о социокультурной идентичности большинство россиян рассматривает в культурной, а не гражданской или языковой плоскости. Как справедливо отмечают многие российские эксперты, актуализация этнической принадлежности русских в современной России стала ответом на регионализацию нерусских этничностей после распада СССР, но не была магистральным процессом.

В России способность жить *социально значимой идеей* относится к древнему архетипу *кафолического, соборного сознания*. Воспитанное православной традицией («*Душа Православия — соборность*» (С. Булгаков)), такое сознание не есть примитивный коллективизм, который пытались проповедовать большевики. В марксистской традиции личность растворялась в коллективном действии, провозглашался примат коллективных интересов над индивидуальными. Проповедуемый социалистами социально-политический коллективизм основан на механически-атомистическом понимании общества: достижение коллективного действия здесь происходит через государственное принуждение, через внешнее объединение отдельных личностей.

Кафолическое же сознание, напротив, предполагает, что личность вбирает в себя полноту чужих индивидуальностей, «держит внутри себя собор со

⁷ Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 14.

всеми» (С. Н. Трубецкой), выходит из самозамкнутости и отчужденности через кафолическое преображение. Кафолическое сознание обладает способностью и силой воспринимать и выражать сознание и жизнь целого, всего общества. Соборность держится не общностью интересов, но связью духовной и нравственной, связью общей любви. Об этом хорошо сказал А. С. Хомяков: «Соборное Единство есть единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви»⁸.

Русские философы часто использовали сравнение, идущее от Плотина: «я» подобно листу на дереве, который внешне не соприкасается с другими листьями или соприкасается лишь случайно, но внутренне, через соединение ветвей и сучьев с общим корнем, связан, следовательно, со всеми остальными листьями и ведет с ними общую жизнь. «Мы» представляется здесь не внешним, позднее образовавшимся синтезом, неким объединением нескольких «я», а первичным неразложимым единством, из корня которого произрастает «я» каждого.

Элемент соборности в русском самосознании — это особо ценный дар, который в самые трудные минуты российской истории спасал народ и страну. И то, что сегодня в России это понятие воспринимается как архаичное, — трагедия нашей культуры. Напомним, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона успешно доказали всему миру, что их национальная традиция «адаптирующегося коллективизма» (которая весьма близка нашей, отечественной) способна создать высокосовременное общество «групповой ориентации», неиндивидуалистической правовой культуры, основанной на компромиссе⁹.

Российским политикам еще предстоит осознать, что западная *экономикоцентристская* версия гражданского общества как совокупности автономных индивидов, связанных *отношениями обмена*, по многим параметрам уступает православно-аскетической *этикоцентристской* традиции гражданского общества как совокупности людей, связанных *общими ценностями* и базирующимися на них отношениями кооперации, сотрудничества и солидарности. В таком обществе на первый план выходят не холодные отношения обмена, а теплые отношения соучастия, где выстроены этические (а не экономические) приоритеты, которые защищают личность и права каждого человека гораздо более полно.

Если экономикоцентристское гражданское общество рождает массового потребителя и примитивную массовую культуру, то этикоцентристская модель способна совершенствовать человеческие отношения, развивать культурную традицию, апеллируя к высоким ценностным идеалам. Дореволюционная российская интеллигенция создала высокую духовную традицию, которая подарила миру непревзойденные художественные шедевры в области литературы и искусства. И сегодня, спустя столетия, весь мир восхищается глубиной и нравственной полнотой произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. И если бы эта ду-

⁸ Хомяков А. С. Сочинения. Прага, 1867. Т. 2. С. 101.

⁹ См. Василенко И. А. Корни «тихоокеанского чуда» // Российская Федерация. 1996. № 15. С. 44–46.

ховная традиция не прервалась, она привела бы к формированию в России уже в начале XX века этикоцентристской модели гражданского общества, альтернативной западному индивидуализму. Этот потенциал российской политической культуры еще предстоит раскрыть российским политикам, поскольку именно в нем — подлинная политическая сила отечественной традиции.

Возвращаясь к проблеме имиджевой стратегии России, отметим, что создатель аналитической психологии, знаменитый швейцарский психолог Карл Густав Юнг, отмечал, что «архетипов ровно столько, сколько типичных жизненных ситуаций». Маргарет Марк и Кэрол Пирсон предлагают модель, использующую двенадцать ведущих архетипов, разделив их на четыре группы, соответствующие четырем ведущим человеческим мотивациям «принадлежность — независимость», «стабильность — развитие»¹⁰. Получается четыре основных модели:

1. Простодушный, Искатель, Мудрец (*тоска по раю*: ведущая мотивация — независимость).
2. Герой (Воин), Бунтарь, Маг (*оставить свой след в мире*: ведущая мотивация — развитие, изменения).
3. Славный Малый, Любовник, Шут (*ни один человек не является островом*: ведущая мотивация — принадлежность).
4. Заботливый, Творец, Правитель (*структурирование мира*: ведущая мотивация — стабильность).

Сильная идея России находится в первой модели: «Простодушный—Искатель—Мудрец» — это «очарованный странник», взыскующий правды и смысла жизни, он испытывает «тоску по раю». При этом география России — ее бескрайние дали, также актуализируют мотивацию независимости, устремленности вперед, исканий. Третий Рим — это «странствующее Царство». Эта сильная идея должна объединить, слить воедино все позитивные характеристики, которыми отмечен исторический, социокультурный, географический, геополитический, индустриальный и модернистский имидж России.

В качестве предварительного «рабочего» наброска для выявления такой центральной имиджевой идеи России, мы предлагаем объединить пять ключевых граней имиджа страны, представленный архетипами и героями:

1. *Исторический образ*: архетип героя, взыскующего смысла жизни, защитника Отечества, способного сплотить, объединить страну перед лицом наступающих со всех сторон опасностей¹¹.
2. *Географический образ*: Калининград—Владивосток, Россия—Евразия.
3. *Геополитический образ*: Россия—Евразия, хартленд.
4. *Индустриальный образ*: уникальные кладовые сырья — нефти, газа, угля и золота. «Газпром», «Лукойл», «Алроса».
5. *Модернистский образ*: уникальные научные кадры, развитая фундаментальная наука, академгородки, инноград в Сколково.

¹⁰ См. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб, 2005.

¹¹ Личностью-символом РФ стал Александр Невский (телепроект «Имя Россия»). — <http://ria.ru/media/20081228/158243637.html>

Мы предлагаем следующие идеи-слоганы:

- *Россия — страна уникальных ресурсов и возможностей.*
- *Россия—Евразия от Москвы до Владивостока: наша сила в единстве!*
- *Россия — простор для творчества! Не упусти свой шанс!*
- *Россия — это мы!*
- *Судьба России — твоя судьба!*

В этих слоганах подчеркивается креативный потенциал огромной по своим географическим масштабам страны, способной к развитию: уникальные ресурсы соединены с уникальными возможностями — значит, у страны есть шанс двигаться вперед. Он обращен к каждому российскому гражданину — у него лично есть этот шанс воспользоваться уникальными возможностями уникальной страны; а для зарубежной аудитории слоган позиционирует страну как динамично развивающуюся и открывающую миру новые уникальные горизонты. Ведь имидж России — это ее послание миру, коммуникационная модель в мировом информационном пространстве, с помощью которой наша страна ведет диалог с другими странами и народами. ◆